

Удовлетворившись этим, они отошли, и Фадж подошёл к ним, чтобы пробормотать что-то вроде извинений по поводу... ошибки предыдущей администрации и своего собственного желания заставить волшебника целоваться в течение последних трёх лет.

Сириус рассмеялся и заверил мужчину, что ему знакомо и худшее заблуждение, исходящее от его собственной матери. Конечно, он шутил лишь наполовину. Его мать и в самом деле была очень неумной. Но то, что он двенадцать лет был лучшим другом дементоров, могло изменить его представление о несправедливости еще больше, чем оно уже было.

Но, по правде говоря, в данный момент его беспокоило не это.

То, что он испытывал ненормальное головокружение, в то время как всё его тело немело, не стоило воспринимать легкомысленно, и он это прекрасно понимал.

За годы, проведенные в Азкабана, он узнал о слабости и страданиях больше, чем нужно, а знания, которые он имел о Проклятии Возвращения, были непреложны в одном. Проклятие было чертовски темным заклинанием.

И Сириус использовал его не только для того, чтобы обменять свою жизнь на жизнь убийцы, но и для того, чтобы вернуть себе тело.

Это его тело было создано - или забрано обратно, неважно - благодаря проклятию. Оно, конечно, еще не окрепло. Он чувствовал это - вихри тьмы, блуждающие по коже и под ней.

Люди все еще разглядывали его, настороженно держась позади авроров, когда раздался хлопок двери, привлекий всеобщее внимание. Ремус, Муди, Тонкс и Кингсли в сопровождении трех дежурных авроров вошли в Атриум, направив палочки на спины последних Пожирателей смерти, обнаруженных в Отделе тайн. Сириус ухмыльнулся, увидев, что его фиолетово-желтый изверг все еще... ну, фиолетово-желтый.

Но это была самая веселая часть. Не очень веселая часть не заставила себя долго ждать.

Муди поручил младшим аврорам разобраться с двумя последними Пожирателями смерти и наблюдал за всем происходящим. Тонкс и Кингсли все еще были немного ошарашены масштабами события и с опаской поглядывали на журналистов, пытавшихся сфотографировать разрушенный фонтан, растерянного министра... и человека, одиноко стоящего за стеной авроров.

Глаза Ремуса прищурились, и Сириус увидел, как он сжимает палочку. В другой руке оборотень держал палочку своего лучшего друга. В груди бывшего заключенного проснулось что-то теплое, что-то вроде... благодарности.

И Сириус сделал нечто очень смелое.

Он призвал к вниманию трех других членов Ордена Феникса.

«Кингсли, тело моего дорогого кузена лежит на полу в кухне. Тебе лучше взять его, пока Кикимер не попытался его утащить».

И с этими словами все присутствующие авроры вновь угрожающе направили на него свои палочки, вся аудитория всколыхнулась, журналисты делали заметки. Впервые Сириус Блэк заговорил достаточно громко, чтобы его слышали в Атриуме, и, судя по всему, это было признание в убийстве. Осознание того, кто был упомянутым кузеном, еще не пришло в голову.

Некоторое время все стояли неподвижно, явно гадая, кто сделает первый шаг - авроры или узник Азкабана.

Первым отреагировал Ремус, медленно пройдя сквозь толпу и миновав авроров. Он остановился в трех футах от своего лучшего друга с пустым лицом.

«Беллатрикс мертва?»

На этот раз шум был достаточно громким, чтобы Муди прокричал громкое и пугающее «Молчать!».

Ремус все еще наблюдал за своим бывшим другом, обеспокоенный тем, что он видел.

Во-первых, Падфут снова был похож на себя прежнего. Во-вторых, он выглядел не в лучшей форме. И последнее, но не менее важное: Сириус Блэк не был мертв. Хорошее замечание, конечно, если забыть о том, что он видел его смерть. Сириус не должен был быть жив. Не после того, что случилось. Так что же он сделал, чтобы остаться в живых? Неужели он поддался... семейному наследию? Другого объяснения не было. Оборотень скрежетнул зубами. Падфут поддался Темным искусствам.

Сириус посмотрел ему в глаза.

«Беллатрикс мертва».

Это был все тот же Сириус. Ремус не мог этого отрицать.

Но в то же время это не успокаивало.

Сириус уже не раз доказывал, что способен убивать. Северус Снейп был живым доказательством того, что Сириус тоже умел ненавидеть. Хотя первое утверждение подтверждалось в ситуациях, когда волшебнику приходилось защищать свою или чужую жизнь, хотя все потенциально способны ненавидеть, у Сириуса все же была темная сторона.

И на мгновение Ремус задумался, не ошибался ли он в своем друге.

Был ли он в основе своей злым? Неужели он обязательно должен был закончить плохо?

Ремус содрогнулся, поняв, что поступает точно так же, как и много лет назад. Двенадцать лет не верил в своего лучшего друга. Думал, что ошибался насчет Сириуса. Думал, что Падфут был только для шоу, что Сириус Блэк не Падфут. Думал, что Сириус Блэк был предателем и убийцей, чья настоящая верность принадлежала Волдеморту.

Он не мог повторить ту же ошибку.

Его размышления были прерваны, когда Сириус начал кашлять. Что-то темное и не совсем телесное вырвалось из горла мужчины, обрызгав его руки, и превратилось в дым, который вскоре исчез.

Оборотень почувствовал, как по позвоночнику пробежала дрожь.

Ремус, как существо, считающееся темным, был особенно чувствителен к темноте. Ему нравилось думать, что он просто лучше понимает природу вещей. В конце концов, никто не имел права говорить, что оборотни злые, потому что они оборотни. Он и сам не считал себя неправым, поскольку не был темным. По крайней мере, не потому, что он оборотень.

Тем не менее, факты есть факты. Он гораздо лучше понимал природу вещей, чем обычный человек.

А эта... штука была настолько темной, что он боролся с желанием оказаться как можно дальше от ее излучения.

Что, черт возьми, натворил Сириус?

Ремус увидел, что один из авроров не решается подойти ближе, и сделал знак держаться подальше. Оборотень был уже слишком близко, возвращаться назад было бы бессмысленно, если эта тварь вредит их здоровью, и, кроме того, он не собирался позволять своему другу разбираться с ней в одиночку.

«Сириус?»

Нет ответа.

«Падфут».

Волшебник с трудом поднял голову.

«Что с тобой происходит? Ты выглядишь так, будто в тебя одновременно попали по меньшей мере три темных заклинания. Нужно что-то делать».

«Нет, нет, все в порядке. Мне просто... нужно выкинуть это из головы».

И Сириус, похоже, действительно знал, о чем говорил, так что Ремус почти поверил ему. Но буквально через несколько секунд после его слов мужчина начал кашлять еще сильнее, чем раньше. На этот раз оборотень развернулся на пятках и направился к старшему аврору.

«Отделение темных заклинаний Святого Мунго все еще действует? Боюсь, Сириуса нужно срочно перевести туда...»

Слабый голос прервал его, и Ремус не удивился, узнав в нем голос Сириуса. У этого человека была привычка не позволять никому и никогда помогать ему. Честно говоря, друг не мог его за это винить. За последнее десятилетие доверие не привело его далеко.

«Я в порядке, я же сказал. А теперь, будь добр...»

Как будто.

Ремус перешел на похвальный, взрослый тон, и Сириус замолчал. Но, возможно, это было потому, что с ним едва не случился припадок, он дрожал, как будто провел слишком много времени в морозилке, и воздерживался от очередной рвоты.

«Ты определенно не в порядке. И что же, черт возьми, ты натворил? Все видели, как ты провалился сквозь Вуаль».

Последняя часть была произнесена как можно мягче. Присутствующим журналистам не нужно было сейчас узнавать, как Сириус Блэк обманул смерть, особенно если это было связано с темной магией. А она, несомненно, была связана с темной магией. По клочьям тьмы, вырвавшимся из тела волшебника, ничего нельзя было сказать. То, что сделал Сириус... было как минимум пограничным.

А может, и хуже.

Конечно, говорить об этом, когда авроры подслушивают, было не самым разумным поступком.

Но хранить секреты Сириуса не стоило того, чтобы позволить Сириусу умереть.

В конце концов, Сириус убил Беллатрису Лестрейндж. На протяжении всей своей жизни он то и дело спасал людям жизнь. Авроры не собирались просто так отправлять его обратно в Азкабан за убийство очередного сбежавшего, разыскиваемого за убийства и пытки, пешку лорда Волдеморта.

По крайней мере, Ремус на это надеялся.

Сириус недоверчиво посмотрел на авроров, но в конце концов ответил на вопрос лучшего друга.

Однако он не стал смотреть ему в глаза.

Он знал, что сделал, и знал, что они подумают.

<http://tl.rulate.ru/book/115292/4520450>